

3 октября 1814 в Москве, в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны Лермонтовой (урожденной Арсеньевой), родился гениальный русский поэт, которому не суждено было дожить до 27 лет. Во время дуэли с Мартыновым 15 июля 1841 под Пятигорском Лермонтов стрелял в воздух, а его противник - в сердце, поэт упал замертво. Белла Ахмадулина сказала о нем: "Высочайший юноша Вселенной".

Александр Галич в Москве перед вынужденной эмиграцией в 1974-м написал: "...нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные - печальные и нежные - глаза <...> предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит - убитый и накрытый шинелью - у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный - уже оттуда - вздох". (Цитаты из предисловия Е.Г. Эткинда к сборнику "Михаил Лермонтов. 1814 - 1841". Нортфилд. Вермонт. 1992.) - Л.В.

**ЛАРИСА
ВОЛЬПЕРТ**

**ПРОСЬБА
С
ГАУПТВАХТЫ**

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
И РОМАН АЛЬФОНСА КАРРА
"ПОД ЛИПАМИ"**

"Пришли мне, пожалуйста, с сим кучером "Sous les tilleuls", - просил С. А. Соболевского в марте 1840 года Лермонтов в записке с гауптвахты, куда он попал за дуэль с Э. де Барантом. Краткая фраза значима: роман должен быть доставлен мгновенно, книга отлично знакома им обоим, нет нужды указывать, где ее взять и кто автор. Лермонтов, насколько известно, другую прозу на гауптвахту не заказывал (просил только стихи). Была ли это минутная читательская прихоть или просьба отражала настоятельную внутреннюю потребность - попытаемся ответить на этот вопрос, не привлекая до сих пор внимания исследователей?

Роман А. Карра "Под липами" ("Sous les tilleuls", 1832)³, имевший при появлении шумный успех (через месяц потребовалось второе издание, прижизненных было около 40), - типичный образец массовой литературы. Роман мелодраматичен, фрагментарен, местами растянут; традиция сентименталистского эпистолярного романа "переплавлена" в нем с романтической традицией французского байронизма "неистойой сло-

Лариса Ильинична Вольперт (Тарту) - доктор филологических наук; крупный исследователь русско-французских литературных связей; автор многочисленных статей и монографий (см. примечания в конце очерка); входит в редакционный совет журнала "Вышгород"; активный участник нашего проекта "Пушкинская вежа века", она одаривала нас своими заметками со всех "пушкинских" международных конференций, где выступала и сама. - Ред.

весности". Однако он не лишен и достоинств, его недостатки подчас оборачиваются сильными сторонами. В историко-культурном процессе массовая литература часто оказывается экспериментальной базой завтрашнего дня искусства. Роман А. Карра в каком-то отношении прокладывает неизведанные пути, в нем заметны черты смелого новаторства, главным образом, в поэтике композиции и в структуре образа протагониста. Впервые в европейской литературе в повествование от третьего лица было включено около полусотни писем, страницы исповедального дневника и десятков глав "Автор берет слово". *Фрагментарность* оборачивалась смелым смешением жанров и традиций, *полифоничность* (голоса героев подчас слиты с голосом автора) - новаторским психологизмом, стернианская "игра" с читателем (главы то имеют названия и эпиграфы, то нет, они то объемные, то из одной строчки) - занимательностью; и все это вместе становилось путем к разработке *новой поэтики романа*.

Сюжет "Под липами" не сложен, он отчетливо делится на три части. Первая посвящена *страстной взаимной любви* (разумеется, целомудренной) бедного студента Стефена и обеспеченной Магделены; вторая - *неожиданному предательству* героини (невеста "выскакивает" замуж за разбогатевшего друга Стефена); третья - *"инфернальной" мести* (Стефен убивает на дуэли друга-предателя Эдварда и доводит до самоубийства Магделену). Поскольку книга на четверть состоит из писем, закономерно сопоставление ее с сентиментальным эпистолярным романом. Первая часть генетически восходит к традиции Руссо ("Новая Элоиза"), вторая - к Гете ("Страдания юного Вертера"), а вот третья, привлекающая к роману всеобщий интерес и потрясая воображение читателей, аналога в сентиментальной прозе не имеет. Именно эта часть (по размеру - наименьшая, одна шестая всего текста), принесла книге ошеломляющий успех. Имя героя романа Стефена на какой-то момент стало нарицательным. Как писал современный критик: "... Стефен едва не превратился в тип вроде Ловеласа. Два или три года его имя служило псевдонимом или символом для всех влюбленных, чья первая любовь окончилась предательством или разочарованием"⁴. В третьей части "Под липами", написанной в духе "неистовой словесности" (с включением всяческих "ужасов"), детально разработан и дан крупным планом *образ мести* (через 14

лет эстетическую "находку" Карра подхватит А. Дюма в "Графе Монтекрристо").

Примечательно, что Пушкин, весьма критически относившийся к современной французской прозе (исключение - Стендаль и Мериме)⁵, выдал щедрую похвалу Карру, поставив его выше Бальзака. В письме к Е. М. Хитрово (осень или зима 1832-го) он с горячностью ее укоряет: "Как Вам не совестно так пренебрежительно отзываться о Карре? Его роман несет черты гениальности (*il a du génie*) и стоит манерности Вашего Бальзака"⁶. Своей неожиданной оценкой Пушкин задал будущим исследователям своеобразную загадку. По мнению В.А. Мильчиной, поэт похвалил Карра исключительно из желания высказаться "в пику" модному во Франции и в России писателю: "Пушкин видит в Бальзаке своего рода "конкурента" и дезавуирует его..."⁷ С такими выводом трудно согласиться: оценки поэта, как правило, продуманны и взвешены. Более корректным выглядит объяснение Б. В. Томашевского, определившего книгу Карра как "лирический роман ужасов, рисующий современную обыденную обстановку безо всякой экзотики стиля, фона и сюжета <...> род французского стернианского романа"⁸ (Стерна, как известно, Пушкин оценивал очень высоко)⁹.

Думается, новаторские поиски Карра в области поэтики романа были небезразличны Пушкину. Как представляется, они нашли отклик в его поздней прозе (например, разработка мотива "мести" в "Дубровском", механизмы возникновения бытового "мифа" в "Дубровском" и в "Пиковой даме", афористические эпиграфы к главам в последнем произведении). Естественно, всякий раз Пушкин интерпретирует "находки" Карра "по-своему" (напр., Стефен сам "работает" над созданием своего *мифа*, а вокруг Дубровского он складывается спонтанно); изучение близости творческой манеры Пушкина и Карра - тема специального исследования.

Однако для Лермонтова эстетические "открытия" Карра были более важны, чем для Пушкина. Дело не только в том, что французские романтики ему вообще намного ближе (Пушкин относился к ним весьма критически), но и с точки зрения сходства творческих индивидуальностей: Карр в момент создания романа исполнен горечи, скептицизма и иронии.

Как можно предположить, Лермонтов познакомился с романом тогда же, когда и Пушкин, т. е. сразу же по выходе книги в свет. Это произошло, скорее всего,

во время "домашней паузы" (с конца ноября - он повредил ногу в манеже - до середины апреля 1833, когда после выздоровления поэт возвращается в Школу юнкеров). 1833-1834 гг. - время творческого формирования Лермонтова-прозаика: начинается работа над *переломным* произведением, романом "Княгиня Лиговская", генезис которого связан не только с русской традицией (Пушкин, Гоголь, Одоевский), но и с французской (Стендаль, Бальзак, Жорж Санд и, что нам важно, *Альфонс Карр*). Воздействие романа Карра "Под липами" на "Княгиню Лиговскую" существенно. Выработка Лермонтовым позиции "всеведущего автора", поиски усложненной структуры образа, стремление к углубленному психологизму, - всему этому отвечали и поиски Карра.

Прежде всего могли обратить на себя внимание поэта специфика литературного автобиографизма в романе "Под липами", а также доминирующее место мотива "мести" и мотива "предательства в любви". Из последней страницы "Под липами" ("Письмо к Madame") становилось ясно, что сюжетом роману послужила любовная история автора. Намек на это обстоятельство сделан уже в середине романа ("... быть может, роман написан для единственной персоны")¹⁰. Вряд ли эта "игра" была Лермонтову безынтересна: тема предательства юношеской любви его глубоко занимала (она доминирует в его поэзии, драме и прозе и везде несет печать *литературного автобиографизма*). Карр в финале романа прибегает к "обнажению приема" (по В. Шкловскому) и, обращаясь к "Мадаме", совсем "по-стерниански", предлагает ей вообразить, что история Стефена и Магделены - *их история* (с той лишь разницей, что *мстит* автор не пожелал). Являлась ли эта "игра" авторской стратегией или соответствовала реальности - не так уж существенно. Во всяком случае позднее в мемуарах Карр настаивал, что рассказал в романе "свою собственную любовную историю <...>. Я писал о том, что видел, думал и чувствовал, простым стилем, каким открывают сердце другу"¹¹. Лермонтов также стремился положить собственный опыт в основу сюжета. Незавершенность "Княгини Лиговской" он так объяснял Раевскому: "Роман, который мы с тобой начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступать от истины" (VI, 44).

Можно предположить, что в романе Карра Лермонтову наиболее интересна последняя ипостась героя: превращение сентиментального, прекрасного мечтателя в беспощадного мстителя. Конфликт "мести" решается Карром в духе французского "байронизма", абстрактность героя восточных поэм Байрона (чаще всего мы не знаем - *за что* он мстит обществу) заменена конкретным изображением нравственного потрясения и "перерождения" Стефена. После замужества Магделены им овладевает сначала отчаяние, потом "адская скука", но внезапно свалившееся богатство возвращает ему смысл жизни: им станет *грандиозная м е с т ь* и каждый этап будет продуман до деталей. Прежде всего - Магделена должна слышать его имя каждый день. Он умело "работает" над созданием своего (отнюдь не лестного!) "мифа" (город наполнен слухами о его победоносных дуэлях, о его победах над сердцами, о шумных скандалах - *скупил все места на оперу, заставил ночью открыть ресторан, разыграл приезжего иностранца* и т. п.). Следующий этап - вернуть доверие Эдварда (Стефен спасает семью от грабителей, которых сам же и нанял) - и вот уже "друг-предатель" сам вводит его в дом. Остается "помочь" Магделене осознать ничтожество мужа (она и сама в нем разочарована) и вызвать ее восхищение (Стефен оплачивает долги Эдварда). Лишь теперь можно воздать *каждому - свое*. Эдварда, обрушив на него проклятия, он закалывает на большой дороге в лесу (честная дуэль на шпагах, он целый год брал уроки у лучших учителей). Очередь за Магделеной, которая не подозревает о гибели мужа (полагает, что он в пути в Италию). По плану Стефена, она должна сама признаться ему в страстном чувстве и отдаться ему по своей воле под теми самыми липами, под которыми три года назад клялась в вечной любви. А уж потом он произносит обвинение в "двойной измене", в "проституировании" любви, в "палачестве", разрушившими его жизнь. Магделена, написав письмо, в котором умоляет простить ее, кончает с собой.

Мотив "мести" занимает, как отмечалось, заметное место в творчестве Лермонтова, в его драматургии, прозе и поэзии. Он звучит уже в его юношеских стихах ("1831-го июня 11 дня"; "Отрывок", 1831; "Баллада", 1830), тогда, когда он еще не был знаком с романом Карра (пример типологического сходства писателей). Творческая близость - и в интеллектуальной ат-

мосфере обоих романов. В этом случае, однако, на типологическую общность накладывается генетическое воздействие. Мировосприятие героя "Княгини Лиговской" Печорина в чем-то неуловимо перекликается с позицией Стефена последнего этапа. После замужества (как он считает, "предательства") Магделены герой Карра впадает в отчаяние, в этот момент он острее замечает разнообразные формы зла, становится циничным и скептическим наблюдателем общественных нравов. Альфонс Карр, несомненно, наградил героя своим видением мира. Его воспринимали во Франции 30-х гг. как язвительного, желчного писателя с саркастическим умом, подвергающим все общественные институты сокрушительной критике¹² (примечательно: в течение десяти лет с 1839-го он выпускал сатирический журнал "Осы", в котором сам был автором всех статей). Многие "филиппики" против политических партий, испорченных нравов, изящных искусств, произнесенные Стефеном, явно принадлежат автору, и, как представляется, некоторые из них молодому Лермонтову были близки (например, инвективы Стефена против "брака по расчету" будут иметь отклик в таких произведениях, как "Два брата", "Княгиня Лиговская", "Герой нашего времени").

Сходство заметно и в композиции. Важность диалогической структуры, постоянное переключение нарративных регистров, использование "несобственно-прямой" речи (подчас неясно, кому принадлежит афористическая реплика - герою или автору), - все это характерно для обоих романов. Конкретным примером воздействия Карра может послужить использование Лермонтовым такого приема, как *обманное письмо*. В композиции "Княгини Лиговской" оно несет важную сюжетную функцию.

Обманное письмо - характерный атрибут эпистолярного романа. Прием органически связан с одной из главных оппозиций жанра: "подлинное - мнимое", "быть - казаться". В романе Карра именно Стефену по внезапному наитию приходит мысль сочинить *обманное письмо*. Эпизод, на первый взгляд, выглядит циничным: герой сочиняет его под громкий хохот развязных светских щеголей (на самом деле это был единственный способ спасти честь и жизнь влюбившейся в Стефена и по этой причине сбежавшей из дому благородной девицы). Озабоченный задачей анонимности и неузнаваемости почерка, Стефен предпо-

читает письмо продиктовать, при этом подпись велит поставить: "друг добродетели" ("ami de la vertu")¹³. *Обманные письма* нередко бывали связаны с сюжетной иронией: письмо под диктовку Стефена пишет ничего не подозревающий жених "сбежавшей" девицы, предвкушающий в скором времени счастливую свадьбу (которая в конечном итоге и состоится). Стефен в какой-то момент "смекает", что почерк жениха в доме невесты может быть известен, и заменяет себя другим "автором".

В "Княгине Лиговской" *обманное письмо* так же, как в романе Карра, пишется спонтанно в игровом ключе самим героем. В обоих романах оно несет важную характерологическую функцию. Внезапное решение Печорина написать *обманное письмо* Негуровой вызвано рассказом Вареньки о прибытии Веры Лиговской в Петербург. Сестра (а значит, и свет) простодушно уверена, что брату на балу будет интересна исключительно одна персона - Лизавета Негурова. Внезапно Печорина "озаряет" понимание: *с Негуровой надо расстаться немедленно*. Но как? Подобно Стефену в романе Карра, спонтанное решение приходит мгновенно - с помощью *обманного письма*: "... покуда он писал, самодовольная улыбка часто появлялась на лице его, глаза искрились, - одним словом, ему было очень весело, как человеку, который выдумал что-нибудь необыкновенное" (VI, 129). Так же, как и в письме Стефена, в конце послания объяснялась необходимость "анонимности": "И чтобы вы более убедились в моем бескорыстии, то я клянусь вам, что вы никогда не узнаете моего имени. Вследствие чего остаюсь ваш покорнейший слуга: *Каракула*" (VI, 147). "Память жанра" сказалась в обозначении адресата ("милостивой гос. Елизавете Николаевне Негуровой в собственные руки") и в правильно организованной "доставке": "потом кликнул Федьку и велел ему отнести на городскую почту - да чтоб никто из людей не видал. Маленький Меркурий, гордясь великой доверенностью господина, стрелой помчался в лавочку, а Печорин велел закладывать сани и через полчаса уехал в театр; однако в этой поездке *ему не удалось задавить ни одного чиновника*" (VI, 130; курсив мой - Л.В.). Концовка первой главы романа (сопоставление двух структурно важных мотивов - "*рысака*" и "*обманного письма*") несет характерологическую функцию, подчеркивает душевную сухость Печорина. Но в целом значимость

“обманного письма” шире: оно выполняет также функцию занимательности; с ним связан прием ретардации, содержание письма долгое время утаивается от читателя. Печорин мысленно все время подсчитывает, дошло ли оно или нет: “Видно, еще письмо не дошло по адресу!” (VI, 130). Содержание письма раскрывается лишь в момент его прочтения адресатом: оно “...было написано приметно искаженным почерком <...>. Вместо подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля...” (VI, 146). В письме *анонимный автор* с коварным лицемерием рекомендует Негуровой забыть о Печорине: “... он с вами пошутил - он недостойн вас: он любит другую, все ваши старания послужат только к вашей гибели, свет и так указывает на вас пальцами, скоро он совсем от вас отворотится” (VI, 147). Авторское объяснение “авансов” Печорина Негуровой дано в духе размышлений Стефена о необходимости “дурной славы” для привлечения внимания света: “...ему надобно было, чтоб поддержать себя, приобрести то, что некоторые называют светскою известностью, то есть прослыть человеком, который может делать зло, когда ему вздумается; несколько времени он напрасно искал себе пьедестала, вставши на который он бы мог заставить толпу взглянуть на себя” (VI, 127).

Однако если *обманное письмо* разработано Лермонтовым в духе Карра, то мотив преданной юношеской любви подан как бы в “споре” с манерой француза: никаких сентиментальных излишней и романтических преувеличений. Перерабатывая традицию, Лермонтов уже вполне самостоятелен и оригинален. Юношескому увлечению Печорина Верочкой посвящено всего несколько страниц. Продолжение истории их влюбленности дано в суховатой манере с подчеркнутым лаконизмом: “Он уехал с твердым намерением ее забыть, а вышло наоборот (что почти всегда и выходит в таких случаях) <...> После взятия Варшавы он был переведен в гвардию <...>. Варенька привезла ему поклон <...>, ничего больше, как поклон <...>. Тайная досада была одна из причин, по которым он стал влюбиться за Лизаветой Николавной; слухи об этом, вероятно, дошли до Верочки. Через полтора года он узнал, что она вышла замуж...” (VI, 158). В “Княгине Лиговской” поэтика романтизма *преодолевается* на всех уровнях - композиции, сюжета и стиля. Лермонтов ищет новые способы изображения действительнос-

ти, опыт Карра вызывает не только притяжение, но и отталкивание.

Воздействие Карра на главное произведение Лермонтова “Герой нашего времени” труднее поддается описанию. Легче всего его заметить на уровне жанра и композиции: как и в романе “Под липами”, в лермонтовском романе сложная жанровая структура. Однако “сложность” здесь иного уровня: дело не только в том, что голос рассказчика перемежается со сказом, исповедальным дневником, письмом героини. Для “Героя...” характерен новаторский синтез жанров: органично “слиты” светская повесть, рассказ на бивуаке, кавказская новелла, путевой очерк; Лермонтов в романе самобытно “переплавляет” множество традиций. В этом отношении воздействие Карра - маргинальное, в целом - несущественное. Но все же француз первым в европейском романе нового времени допустил смелую (по тем временам “немыслимую”) смесь жанров и традиций, и не учитывать это обстоятельство было бы потерей.

Однако более конструктивно, на наш взгляд, описание общности романов на другом уровне - *структуры образов*. Печорин большого романа, как известно, существенно разнится от своего однофамильца из “Княгини Лиговской”. Последний, хотя также в чем-то *alter ego* автора (человек острого ироничного ума и проницательной наблюдательности), все же значительно отличается от героя большого романа: он не протагонист, обрисован в контрасте с Красинским и, что важно, *лишен обаяния*. В структуре образа Печорина-предшественника доминирует малопривлекательное качество - *душевная сухость*. Он “сбил” Красинского без малейшего раскаяния (“...об раздавленном чиновнике не было и помину...”), способен под хохот светских хлыщей издевательски изобразить в фойе театра “бедолагу” под копытами его рысака, “разыгрывает” Лизавету Негурову без малейшего снисхождения, мелочно ненавидит “соперника” в любви. Реконструируя концовку, можно гипотетически предположить, что он убьет Красинского на дуэли¹⁴.

Печорин большого романа также далеко не “идеальный” персонаж. Он часто предстает малопривлекательным: творит зло ради ощущения своей власти над людьми, разрушает женские судьбы из-за легкомысленной прихоти, умеет быть язвительным и беспощадным. Но при этом - загадка мастерства! - он исполнен

неотразимого обаяния. Дело не только в высокой рефлексии, коей так восхищался Белинский, в независимости и силе интеллекта (по характеристике Ю.М. Лотмана, Печорин - "носитель критического мышления запада"¹⁵), в его блистательном артистизме, но и в решительном неприятии всяческой фальши, в бесстрашной честности перед собой, в способности к сильным и страстным порывам. В отношениях с Бэлой, Верой и Мери он, хотя его действия подчас и неприглядны, человечен и честен. Как нам представляется, в момент возникновения замысла романа, когда стало ясно, что Печорин будет существенно отличаться от героя "Княгини Лиговской", перед Лермонтовым возникла задача выбора художественных средств для создания исключительно сложного типа "человека эпохи", придачи ему своеобразного обаяния, но средств не банальных и избитых, а тонких, почти неприметных глаз.

Подобная усложненная структура образа (это - не обаятельные "бытовые злодеи" авантурных романов XVIII в. типа Ловеласа или Фобласа), изображение непостижимой "амбивалентности" современного героя удались немногим французским писателям (Сенанкур, Констан, Стендаль, Мюссе); в их числе и Альфонс Карр. Во всяком случае он сумел увлечь читателей эпохи своим неистовым "мстителем". Хотя по видимости Карр стремится придать Стефену последней части романа непривлекательность (чего стоит, например, лейтмотивная психологическая портретная деталь - повторяющееся "адское хихиканье" героя ("le ricanement infernal")), по существу автор достигает обратного эффекта. Дело не в том, что Стефен великодушен (спасает из воды тонущего незнакомца, и хотя тот старается утащить его на дно, повторяет попытку), храбр (когда "нанятые" им бандиты превышают "сценарий", он бросается один на четверых), в многочисленных поединках он, как оказалось, никого не убил (расправляясь с Эдвардом, педантично соблюдает все правила дуэли "чести"), а в том, что его холодные расчеты то и дело побеждены великодушными порывами. И даже в "вершинный" момент, предназначенный для высшей *месты*, он о мщении забывает (не произнеси Магделена *сакральных* слов - он бы и не вспомнил). После ее самоубийства Стефен мысленно себя казнит (умереть нельзя: он должен заменить ее ребенку отца) и, фактически, отказывается от жизни.

Можно предположить, что опыт Карра в построении образа "героя времени" оказался небезразличен Лермонтову. Во всяком случае "внутреннего" Печорина он рисует, как и Карр своего героя, почти неприметными штрихами (тот умеет заметить скрытые слезы Вернера над умирающим солдатом, способен пожалеть слепого мальчика и старуху, брошенных на голодную смерть "честными контрабандистами", бесстрашно отправляется "укрощать" казака-убийцу, раскайся Грушницкий в подлом заговоре, он бы его простил). Печорин скуп на внешнее выражение чувств, образная деталь помогает это ощутить (когда Максим Максимович попробовал было напомнить ему о Бэле, "...Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся..."). Читая его дневник, невольно проникаешься мыслью, что ему доставляет удовольствие "наговаривать" на себя: "Шаг за шагом выясняется, что самообвинения Печорина в неисчислимых пороках - синдром гипертрофированной совести могучего человека, принужденного обществом расточать огромные потенции в пустом времяпрепровождении"¹⁶. Герой Карра во многом отличен от Печорина: у него нет острого ощущения "безвременья" и интеллектуального превосходства над окружающими. Гениальной писательской интуицией Лермонтов, скорее всего, и сам постиг бы секрет достижения привлекательности негативного героя, но все же опыт Карра, как представляется, был ему небезразличен.

Биографическая близость (возраст, схожие черты личности, путь от поэзии к прозе), творческая общность (поиск сложной жанровой структуры, литературный автобиографизм, доминирующее значение мотива преданной любви), - все это в какой-то степени объясняет повышенный интерес Лермонтова к роману Карра. Но почему он пожелал иметь "Под липами" именно в марте 1840? Для этого, на наш взгляд, был существенный импульс.

Известно, что одной из причин дуэли Лермонтова с Барантом было любовное соперничество (оба выказывали живой интерес к княгине Марии Щербатовой)*. Во время ареста на сложный комплекс переживаний

*М.А. Щербатовой посвящено стихотворение Лермонтова "На светские цепи, / На блеск утомительный бала / Цветущие степи / Украйны она променяла..." Тургенев после встречи со Щербатовой в Москве как раз тогда, когда поэт направлялся в кавказскую ссылку, записал в дневнике: "Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова". См.: М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 томах, т. I, сс. 70, 579. - Прим. ред.

(неясность будущего, несправедливость обвинений, тревога за здоровье бабушки) наслаивалось оскорбленное национальное чувство (снова русский поэт вынужден защищать свою честь в дуэли с французом). Размышления на гауптвахте в 1840 несомненно оживили воспоминания о 1837-м. Тогда, три года назад, в "Объяснении" по поводу создания стихотворения "Смерть поэта" Лермонтов, цитируя защитников Дантеса ("...Пушкин... был ревнив, дурен... негодный человек...")¹⁷, сумел, пусть косвенно, включив модальность сомнения, выразить мысль о невозможности попытки защитить убитого поэта: "Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, - никто не отвечал на эти последние обвинения"¹⁸. Никто не посмел открыто выступить в защиту Пушкина, его гибель осталась *неотомщенной*. Точнее - осталась бы, если бы не прогремело на всю Россию поэтическое проклятие Лермонтова. Чувством мести буквально пронизаны шестнадцать финальных стихов "Смерти поэта"¹⁹. Через два года в поэме "Сашка" Лермонтов в прямом обращении к другому погибшему поэту, Андре Шенье, снова вернулся к столь для него существенной мысли о "неотомщенном" творце:

....Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил - и ты погиб бесплодно..."

(VI, 71)

Вернее всего, в момент создания этих строк в сознании Лермонтова судьба Шенье ассоциировалась с трагической участью Пушкина. Затаенное торжество, что он, автор поэмы "Сашка", "язвительным стихом" сумел *отомстить* за гибель любимого поэта, ощущается в подтексте цитированных стихов.

В концовке романа Карра, как отмечалось, образ мести, и что важно, мести блистательно реализованной, дан крупным планом, убедительно и зримо. Как можно предположить, на гауптвахте в марте 1840 года размышления Лермонтова были прикованы к категории мести, и, сравнивая свою судьбу с пушкинской, он, как и во время создания "Сашки", снова оценивал себя как единственного мстителя за погибшего. Однако в данном случае на первый план выдвигался новый существенный фактор: на этот раз он, как и герой Карра, мстил и *за себя*. Поэтому желание Лермонтова

иметь на гауптвахте роман "Под липами" представляется *естественным*, а просьба к Соболевскому немедленно, "с сим кучером" прислать ему "Sous les tilleuls" - *вполне закономерной*.

1 Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 томах. М. - Л. Изд. АН СССР, 1954-1957. Т. 6. С. 452 (выделено Лермонтовым). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

2 На данную тему есть лишь одна статья: Вольперт Л.И. Лермонтов и роман Альфонса Карра "Под липами" // *Slavic almanac. University of South Africa*. 2003. Vol. 9. P. 66-81.

3 О восприятии А. Карра во Франции см.: Мильчина В. А. Почему все-таки Пушкин предпочел Бальзаку Альфонса Карра? // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования по истории русской культуры. Выпуск 7. М., 2001. С. 404. В дальнейшем: Мильчина.

4 Pommartin A. Nouveaux samedis. Paris, 1880. Т. 19. P. 353.

5 См.: Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. 1998. С. 203-321; См. также: Вольперт Л.И. Русско-французские литературные связи конца XVIII - первой половины XIX в. 1. Пушкин и французская литература; 2. Лермонтов и французская литература. Электронное издание. <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm> (том первый, раздел 1, часть 2 и раздел 2). В дальнейшем: Л.И. Вольперт. Электронное издание.

6 Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. Изд. АН СССР, М.-Л., 1937-1959. Т. XV. С. 38. В дальнейшем: Пушкин.

7 Мильчина. С. 419.

8 Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 401.

9 Вольперт. Электронное издание. Том 1. Раздел 2 ("Стернианство и ирония Пушкина и Стендаля").

10 Karr A. Sous les tilleuls. Paris, 1869. P. 157. В дальнейшем: Karr A.

11 Karr A. Le Livre du bord. Paris, 1880. Т. 1. P. 106. Автобиографизм и в факте спасения Стефеном тонущего человека. Жерар де Нерваль вспоминал, что видел на груди Карра маленькую серебряную медаль за спасение тонущего солдата (Нерваль де Ж. Избранное. М. "Искусство" 1984. С. 107).

12 См.: Мильчина. С. 404-405.

13 Karr A. P. 212.

14 Вольперт Л.И. Лермонтов и Стендаль ("Княгиня Лиговская" и "Красное и черное") // Михаил Лермонтов 1814 - 1989. Норвичский симпозиум. Т. 3. Вермонт, 1992. С. 131-146; см. также: Вольперт. Электронное издание. Лермонтов и французская литература. Глава 3.

15 Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. АН СССР. Л., 1985. С. 14.

16 Маркович Я. "Исповедь" Печорина и ее читатели // Литературная учеба, 1984, № 5. С. 211.

17 "Дело о секретной части Военного Министерства о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским. На 44-х листах". Хранится в архиве Института русской литературы Российской Академии Наук (фонд 524, опись 3, № 9). Опубликовано П.Е. Щегловым ("Книга о Лермонтове". Выпуск первый; изд-во "Прибой", Л., 1929. С. 265). В дальнейшем цитируется это издание.

18 Там же.

19 В этом отношении интересен факт гипотетического дара Соболевскому (серебряная кавказская чарка ручной работы) с будто бы выгравированными по заказу Лермонтова стихами, среди которых: "Я здесь за то, что / Написал на смерть / Любимого поэта / Я торжествую / И горд душой". Об этом см.: Вольперт Л.И. "Я торжествую и горд душой..." // "Вышгород" 2003. № 6. С. 148-151.*

* Заметка "Я торжествую и горд душой..." Л.И. Вольперт - ответ на статью С.В. Безбережеева "Кавказская чарка. Еще одна лермонтовская реликвия?" См. "Вышгород" 3, 2003, с. 69. - Ред.